

Магжан Сагимбаев

КОЧЕВНИК на двух колёсах

Магжан Талапович Сагимбаев

Кочевник на двух колёсах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54165118

ISBN 9785449865649

Аннотация

Это книга представляет собой уникальный сборник заметок казахстанского велопутешественника, совершившего одиночное путешествие вокруг света на двух колесах. Не раз оказываясь в ситуациях на грани жизни и смерти, он объехал 22 страны и собрал в своем дневнике множество впечатляющих историй о людях и странах.

Содержание

Пролог	6
День 1 – Казахстан	8
День 6 – Узбекистан	18
День 15 – Туркменистан	28
День 18 – Иран	39
День 39 – Азербайджан	59
День 43 – Грузия	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Кочевник на двух колёсах

**Магжан Талапович
Сагимбаев**

Редактор Улпан Рамазанова

Иллюстратор Дина Буксикова

Корректор Лейла Махат

Корректор Кайрат Сарыбай

Дизайнер обложки Александр Иващенко

© Магжан Талапович Сагимбаев, 2020

© Дина Буксикова, иллюстрации, 2020

© Александр Иващенко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-6564-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«В путешествии я осознал, что в мире
нет ни хороших, ни плохих людей,
но есть обстоятельства,
которые заставляют совершать
те или иные поступки» – Магжан*

Посвящается

*моей бесценной эже, Қымбат Сағынқызы,
которая научила меня всегда смотреть на мир
с любопытством ребенка*

Пролог

Четыре года назад мне исполнилось 26 лет. Я успел отучиться на три разные специальности: «вычислительная техника», «международные отношения» и «туризм». Поиски самого себя? Возможно. Я проживал свою жизнь впустую, можно сказать – глупо. В голове был бардак. Кто я? Чем я буду заниматься дальше?

Была чередa греховных увлечений, в первую очередь азартные игры, как следствие – бездарно потраченное время и немалые средства, нелегкие разговоры с родными. Я сбился.

И оказалось, что только дорога может помочь найти мой путь.

Моя новая жизнь началась с книг о путешествиях. Я стал ходить в горы, знакомиться с людьми, которые понастоящему хотели узнать и познать мир. Все эти походы и теплые встречи что-то изменили во мне.

Одна из этих встреч оказалась особенной: француженка Каролина, которую мы с мамой однажды приютили у себя дома, пробудила во мне интерес к одиночному путешествию – в течение двух лет она пешком добиралась из Франции в Казахстан. Помимо тяжеленного рюкзака она привезла с собой множество захватывающих историй и неповторимых фотографий. Я был настолько впечатлен ее рассказами,

что во мне проснулось яркое желание отправиться в путь. В тот вечер и зародилась идея о путешествии на велосипеде вокруг света. Воодушевленный и сторающий от нетерпения, я настроил пост в социальной сети, где поделился с миром своей сумасшедшей идеей, и был крайне удивлен, когда обнаружил, что аудитория проявила ко мне неподдельный интерес. В числе тех людей оказался и Нурлан Абдуов, руководитель Казахского географического общества, который с таким же энтузиазмом и интересом поддержал проект Bike the Earth.

А магазин «Лимпопо» предоставил мне велосипед.

Эта книга расскажет о моем путешествии, которое длилось 380 дней. Мое знакомство с миром оказалось непростым: было чудовищно страшно, холодно и одиноко, но с каждым новым рассветом я открывал глаза и наконец чувствовал себя живым.

Дорога научила меня доверять, смеяться понастоящему, разделять горе и радость людей, не бояться любить. Быть честным. И всегда следовать зову сердца.

Пусть эти страницы вдохновят и вас. Рискуйте. Мир ждет знакомства с вами.

День 1 – Казахстан

Мне еще ни разу не удавалось застать этот город спящим. Машины, гудки, шум, бесконечная суета – некогда прилечь, некогда присесть. Все и вся в движении.

...Приятная прохлада подбадривает, дышать легко – смог еще не успел подняться над городом темной пеленой. Так даже думать легче. Вот только мысли еще не собрались и обрывками фраз бьются о черепную коробку.

Ранее утро, но в некоторых окнах уже горит свет. Люди торопятся на работу, чтобы вновь заступить в свое беличье колесо и успеть накрутить на пропитание.

Я кручу педали и пытаюсь представить, какого размера будет этот мой аттракцион бесконечного движения...

Меня провожала целая толпа. Сотня объятий, ободряющих похлопываний по плечу, пожеланий. А ведь я еще ничего и не сделал.

Наверное, моя улыбка на совместных с провожающими фотографиях получилась выстраданной. Я заметно нервничал.

До выезда меня сопровождал небольшой велокортеж, состоящий из друзей и родных. Наконец распрощавшись, я покатил один по Райымбека. До Ташкента.

Вот он, ветер перемен! И хотя его приходилось делить с лихачами и грузовиками, которые оставляли после себя

удушающие черные тучи, поверьте, он был невероятно сладок. Я в предвкушении давил на педали все сильнее и сильнее – хотелось оторваться от засасывающего зева цивилизации. Громкое дыхание и легкое скольжение колес заменили мне саундтрек.

Впереди меня ждал целый мир. Но ничего не взрывалось фейерверками, я оставался собой. Единственным изменением было нарастающее напряжение мышц и боль в ягодицах.

Размышлять было некогда. Нужно было спланировать путь так, чтобы не закончить его через трое суток где-то под Алматы. Вслушиваясь в легкие шорохи колес, я рассчитывал свои силы, еду, время остановок. У меня было всего пятнадцать дней, чтобы добраться до Туркмении. И уже оттуда ехать в Иран.

Ритуальные пляски с визами выжали меня еще дома. Получить туркменскую визу было сложно. Во-первых, страна закрыта настолько, что как турист ты сможешь попасть в нее только под надзором верного гида, который будет любезно сопровождать тебя повсюду. Буквально повсюду. Во-вторых, стоить его услуги будут, как если бы я заказал обладательницу титула «Мисс Азия» в качестве эскорта.

Все-таки удалось оформить транзитную визу. Значит, у меня есть всего пять дней, чтобы пересечь пустыню Каракум и успеть до границы с Ираном. Но после всех бюрократических попыток получить в паспорт квиток на проезд это настоящее счастье!

7 апреля, когда я принимал подарки на день рождения и уворачивался от дерганья ушей, мне позвонили из посольства. Совет на будущее: никогда не ходите в шортах в посольства консервативных стран. «Цербер» на входе не слушал мои заявления о том, что я гражданин свободной страны. Толстый палец настойчиво летал перед носом и угрожающе повторял, что посольство считается территорией Туркменистана и мои «казахские выходки» никого здесь не волнуют.

Первый день был жутким. Пятая точка, как и ожидалось, нещадно ныла. Не дожидаясь заката, я съехал с дороги и поставил палатку под одиноким деревом неподалеку от села Самсы. Измученный первой сотней километров, я провалился в сон.

Подъем в 6:30 утра. Быстрый завтрак из остатков пасты – и снова в путь. Ехать по жаре – испытание не для слабых, поэтому первые два дня я плелся, давая организму привыкнуть.

Проезжающие автомобилисты поддерживают улыбками, сигналият, кричат: «Алга, жігіт!» Удивительно, но это действительно придает сил.

Через час мне встретился парнишка верхом на лошади. По-хозяйски осмотрев мой велосипед, он спросил:

– А ты почему так оделся? Вспотеешь же...

(Я закутался в рубашку, полностью закрыл лицо, чтобы не сгореть окончательно, и теперь выглядел странно.) Я неопределенно кивнул и сказал:

– Не хочешь поменяться? Я тебе велосипед, а ты мне – лошадь?

Парень подозрительно посмотрел на меня. Судя по всему, оценивал, насколько мне припекло голову и могу ли я отвечать за свои слова.

– А сколько стоит велосипед?

– 100 тысяч тенге.

– Ну а моя лошадь – дороже. Не вариант.

Я хмыкнул. В голове уже нарисовалась картина эпического похода наконец, в ходе которого я покоряю новые земли, вообще путешествие на железном коне. Да, солнце припекало. Перекинувшись еще парой слов, мы попрощались.

Надо сказать, идея путешествия на коне никогда меня не покидала. Это может стать удивительнейшим опытом: воссоздать условия, в которых жили наши предки, рассчитывать только на себя и свои знания о природе. Только представьте себе: потрясающий маршрут по национальным паркам и заповедникам. Настоящее выживание. Кстати, на идею с лошадьми меня вдохновила история девушки Робин из Австралии, которая в одиночку пересекла континент. В пути ее сопровождали только верный пес и четыре верблюда.

Возможно, когда-нибудь я сделаю это, а пока продолжу ехать на велосипеде. Температура поднималась. Мой транспорт вот-вот должен был расплавиться, а я – превратиться в огненного всадника.

Путешествие во многом похоже на компьютерную игру с уровнями, трудностями и достижениями. Я – игрок среднего уровня – жизнерадостно давил на педали, стремясь быстрее попасть к границе, и не знал, что на пути меня ждет встреча с местными «боссами». За мной гнались алабаи.

Алабай – крупная и грозная порода собак, их любят за крутой нрав и схожесть с медведем. И теперь четыре этих гриззли гнались за мной с диким рыком. Четыре огромные

горы мышц, четыре всадника собачьего апокалипсиса. Мне пришлось остановиться. Я знал, что если не сделаю этого, псы догонят меня и, несмотря на «казахскость» породы, договориться с ними уже не получится.

Я стоял и слушал их лай, стараясь не показывать страха. Через пару минут собачье эго было удовлетворено, алабаи успокоились. Покрутившись вокруг велосипеда, они с уже задорным лаем начали гоняться друг за другом.

День оказался богатым на драматические события. Возле перевала Кордай я познакомился с маленькими змейками и даже успел сфотографировать их. Умиляясь, смотрел, как одна из них стремительно ползет по дороге, и даже не успел охнуть, когда летящий автомобиль проехался по ней. В отуплении сел на велосипед и поехал с места трагедии как можно быстрее.

До перевала я остановился у реки. Было пусто. Неспешно поставил палатку и отправился наслаждаться видами Кордая. Было приятно освежиться в ледяном ручье – спасибо родителям, которые часто брали меня на Бутаковку, чтобы закалить.

От травы веяло свежестью, воздух был прозрачным, настоящее жайлау с картинки. Наслаждался видом я не один. Неподалеку сидели люди и что-то живо обсуждали.

Я направился к ним. За это короткое время в пути на велосипеде я уже заскучал по общению.

Отдыхающими оказалась семья военных из аула Отар. По-

знакомился и уже через час, слушая военные байки, гоготал вместе с офицерами. Я ожидал встретить других путешественников минимум через месяц, но тут один из майоров, догрызая кость, начал кивать на дорогу: мол, смотри, сен сиякты («такой же, как ты» – перевод с казахского)!

По экипировке я понял, что это иностранец. Я побежал к нему босиком, словно к родному брату. Ноги велосипедиста на педалях замешкались, не знали – ускоряться или все-таки узнать, что хочет этот довольный туземец. Иностранец остановился.

– Можешь отдохнуть здесь! Место отличное, – я с максимально дружелюбной улыбкой начал показывать на свою стоянку.

...Ник оказался 35-летним англичанином. Он работал учителем, но решил все бросить и попутешествовать. Начал с Кореи, проехал весь Китай, общее количество пути – одиннадцать тысяч километров...

Все это он рассказывал, не выпуская из зубов сигарету. Либо у этого парня железное здоровье, либо в пути он повидал такое, что без сигареты уже не ехалось.

На следующее утро мы поднялись до перевала (семь километров вверх), а затем полтора часа с почти детским восторгом летели вниз.

На остановке Ник рассказал мне, что раньше ничего не слышал о Казахстане. Пожаловался на сервис, сказал, что уже второй день едет без воды. Когда добрались до горной

речки, Ник потянулся за таблетками для очистки и с изумлением смотрел, как я пью из ладоней.

Чуть позже мы разъехались. Ник поехал в Бишкек, я – в сторону Тараза.

«Рано поутру, до зари, я Бога прошу: мой путь озари» – Радханатха Свами

В сторону Тараза еду по идеальной дороге. Вокруг только степь. Изредка встречаются местные работяги, которые выглядят, словно были здесь с начала времен. Заехал в несколько кафешек, отдал за яичницу и салат почти тысячу тенге. Хорошо, хоть воду наливают бесплатно.

Ровная дорога быстро ввела меня в транс. Я ехал на автопилоте, без мыслей и переживаний. Никаких внутренних диалогов, идеально для тех, кто имеет проблемы с потоком сознания. Так, незаметно для себя, я въехал в крупное село Мерке.

...Свое название оно берет от персидского слова «мирки» – центр. Арабские путешественники упоминали его еще в IX—X веках и описывали поселение как небольшой укрепленный город с цитаделью.

В специальном писании для багдадских правителей, которое было написано еще в 945 году нашей эры, о Мерке говорят так: «От города Шаша до Гозгерда расстояние семь фарсахов... от Тараза справа – горы, слева – теплые пески, где зимовье скота карлуков. За теми песками пустыня из песков и гальки, а в ней шакалы, она тянется до границы ки-

маков. В горах много плодов, клевера и горного лука. Всего от Тараза до Кулана по пустыне, также называющейся Кулан, 14 фарсахов. От Кулана до богатого селения Мирки – четыре фарсаха, от Мирки до Аспары по пустыне, такой же, как Кулан, – тоже четыре фарсаха. От Суяба до Верхнего Барсахана на границе с Кашгарией 15 дней пути ходом караванов по пастбищам и водоемам, а для почты тюрок путь трех дней»...

Через несколько километров познакомился с канадцами – обычными банковскими клерками, которые все бросили и отправились покорять Азию. Отработали два года в офисе, и теперь у них есть возможность путешествовать в течение года. Я поделился с ними контактами шымкентских знакомых, у которых можно остановиться.

Проехал Тараз, разложил свою палатку недалеко от мавзолея Айши-Биби. Жители округа часто рассказывают такую легенду об этом месте паломничества: Айша-Биби была дочерью ученого и поэта Хакима Бакыргани, после смерти отца ее воспитывал шейх Айкожи. Когда девушка достигла совершеннолетия, ее руки стали просить многие влиятельные мужчины, среди них был и правитель Тараза Карахан Мухаммед. Как и другие кандидаты, он получил отказ от шейха. Но Айша-Биби влюбилась в Карахана и тайно отправилась за ним в Тараз. На берегу реки Асы, совсем недалеко от Тараза, девушку укусила змея. Айша-Биби погибла. В честь своей любимой Карахан воздвиг прекрасный мавзолей, который

до сих пор считается символом их любви...

Вообще, юг Казахстана богат на жемчужины, здесь, например, находятся потрясающие Ак-су-Жабаглинский заповедник и Сайрам-Угамский национальный парк.

В вечнозеленом Шымкенте меня принял в гости Владимир Дегтярев – человек с большим сердцем, гостеприимный и открытый. Мои знакомые канадцы уже жили у него. Вечером он пригласил нас в один из ресторанов. Получился теплый вечер.

Мне почему-то запомнился шымкентский мужичок Армахан, похожий на буддийского монаха: смуглый, маленький, с такой же улыбкой вечного знания на губах. Каждый день он встает рано утром и идет собирать пластиковые и стеклянные бутылки в «своем районе». Одна бутылка – три тенге. Говорит, что за день получается заработать пару-тройку сотен тенге. Тратит в основном на еду – покупает сметану с лепешкой, в хорошее время можно отложить двести тенге.

Помогаю ему собрать несколько бутылок. Армахан философски замечает: «Буду больше собирать – больше зарабатую».

День 6 – Узбекистан

Сотня километров от Шымкента до Узбекистана далась легко, одолел перевал. Велосипед начал показывать характер – передние тормоза жалобно крикнули и отказались работать. Ножка, не выдержав нагрузки, тоже треснула. Поддавшись на просьбы, а потом и на ненормативную лексику, велосипед все же довез меня до Ташкента. Необходимо поработать над дрессировкой моего стального коня.

Я разослал письма с просьбой о ночлеге разным людям на couchsurfing.com. Через день мне ответил поляк Дахнелл. Написал, что обычно не отвечает на сообщения copy-paste, но я могу приехать и переночевать у него дома. Меня это задело: парень, не нужно делать одолжение, мы друг другу вроде как ничего не должны.

Через некоторое время успокоился. Решил не судить сгоряча, недодумывать за человека, не узнав его. Тем более местные полицейские начали недвусмысленно выпроваживать меня с площади.

Ответил Дахнеллу: «Еду».

В реальности поляк, приютивший меня, оказался отличным парнем: работал здесь учителем польского языка по какой-то государственной программе. Рассказал мне об Узбекистане, Иране, Польше, многих других странах, где успел побывать. И еще он божественно готовил, несмотря на то что

уже двадцать лет практиковал вегетарианство.

Оказалось, что Дахнелл, как и я, ездил на Rainbow Gathering – своеобразный фестиваль хиппи, на котором я побывал в 2013 году в горах Армении возле озера Севан. После этого мы проболтали весь вечер. Сделал себе зарубку не судить людей по первому впечатлению, да и вообще не судить – люди разные.

Из Ташкента я выехал в шесть утра. Ветер был попутным, поэтому я гнал где-то 20 км/час. Чтобы добраться до Джизака, проехал 224 километра! К восьми вечера я развалился, ощущая себя словно участник «Тур де Франс».

Небо, какой же тяжелый день!

На обочине дороги местный узбек продавал сушеные дыни. Пытаясь не свалиться, дошел до него, чтобы купить немного провизии. Мужчина захлопотал, я протянул ему 10 тысяч сом, чтобы купить четыре сушеные дыни. Он протянул мне шесть тысяч сдачи. Я попытался включить мозг и подсчитать, кто ошибся в расчетах. Одна дыня – равно 2200 сом, четыре дыни – 8800 сом. Но в руках у меня шесть тысяч. Я начал протягивать узбеку деньги обратно, на что он замахал руками:

– Ты гость в моей стране, не могу брать с тебя много.

Растроганный, я прижал дыни к груди, словно получил их от английской королевы. Вот вроде бы нет у торговца редкого товара или крутой машины, да даже одежды без заплаток – зато какое большое сердце! Каждый сможет отдать полтинник, например, на выходе из супермаркета, но каждый ли сможет отдать полтинник, если, кроме него, у тебя ничего нет? А этот человечие и скидку делает.

*«Умение быть добрым и не искать в этом выгоду
закладывается*

с детства» – Магжан

Пока рассуждал и давал ноющим ногам хоть немного прийти в себя, меня окликнули.

Мужчина по имени Сардор пригласил меня в гости, после того как увидел меня с дынями на обочине. Я с радостью согласился. Совет путешественникам: если заезжаете в город, то лучше не ночевать в палатке. А если уж заехали – надо искать ночлег. Поэтому, если вас приглашают адекватные люди, – определенно соглашайтесь.

В Центральной Азии люди очень гостеприимные. Для меня быстро накрыли стол. Отправили мыть руки. После того как я снял носки, забираясь на топчан, отправили мыть руки еще раз – таковы закона дома.

Пока закусывал домашним хлебом, запивая айраном и компотом, вспоминал, как эже по утрам готовила табанан, и мы уплетали его с деревенской сметаной. Ощущение уюта расслабило меня. Я отдыхал, слушая неспешные рассказы Сардора и его семьи.

Утром меня накормили настоящим узбекским пловом.

Сардор сказал, что не отпустит меня, пока я не попробую джизакскую самсу. Каждый город Узбекистана известен своим блюдом: Самарканд – лепешками, Сырдарья – рыбой и дынями, Бухара – шашлыками, Джизак – самсой. Тут даже есть кафе имени Фиделя Кастро. Оказывается, он останавливался здесь в советское время.

Потом проводили до трассы – впереди меня ждали самаркандские лепешки. Кстати, самса в Джизаке и правда очень вкусная.

После 224-километрового форсажа в Джизак мой орга-

низм отказал мне в моих амбициях, поэтому в Самарканд я плелся, рассматривая пейзажи. После первых пятидесяти километров открылось второе дыхание, и дальше я летел в два раза быстрее.

В какой-то момент понял, что мимо уха что-то просвистело. Из проезжавшей машины в меня бросили стеклянную пивную бутылку. Я остановился и выругался. Злость еще больше разгорячила сердце – стоял посреди дороги как кипящий котелок и бурлил. Через пару минут успокоился, решил, что не мне судить людей за их воспитание, да и вообще никто не знает, какие обстоятельства привели их к такому. Короче, я просто забыл про них.

Вечером написал об этом на Facebook. В комментариях одна женщина ответила, что я «заврался и придумал какие-то художественные приемы». Посмеялся. Оказывается, я теперь великий мастер выдумки?

В Самарканде меня встретил немец Кай, который работал здесь учителем немецкого языка по государственной программе. Зарплата у него где-то три-четыре тысячи евро. Почему-то его правительство включило Самарканд в список опасных городов вместе с Кабулом, Багдадом и теперь выплачивает ему «за вредность» такие деньги.

Там же, в Самарканде, у меня произошла первая физиологическая поломка: раскрошился зуб. Пока искал стоматологический кабинет, встретил мужчину по имени Ахмед. Разговорились, он поведал историю своей мамы. Во время вой-

ны его бабушка пришла на площадь с золотыми украшениями в надежде обменять их на еду, но наткнулась на жуликов, которые вместо муки подсунули мешок мела. После этой истории я пересмотрел отношение к своей маленькой проблеме.

Палатку я поставил недалеко от города Навои. Ночью было страшно спать. Хотя с каждым днем все легче и легче засыпать.

Я выехал в Бухару. В Ташкенте Рафаэль, мой старый друг, у которого я гостил еще в 2013 году, поделился секретом: если в отеле сказать, что местный, могут сделать скидку. Поэтому в отеле я смело сказал администратору: «Брат, я из Ташкента». Сработало – мне сделали скидку семь баксов. И попросили паспорт.

Я с глупой улыбкой достал голубую книжицу с гербом Казахстана и сказал: «Ну, я и правда из Ташкента приехал». Администратор посмотрел на казахстанский паспорт, на меня, ухмыльнулся, сказал: «Ай, ладно, все равно уже скинул».

Там же познакомился с супружеской парой из Франции, они рассказали мне о странах, где уже побывали, особенно им понравился Иран. Я с интересом слушал их, хотя специально ничего не читал об Иране, чтобы не портить себе впечатление, и теперь был в радостном предвкушении. Хотел быть как первооткрыватели, которые узнавали мир без предрассудков и предубеждений.

Последняя встреча Бухаре состоялась с родственниками

моего хорошего друга Ануара. Мои одноклассники довольно часто мне помогали в дороге. Как говорил мой дядя – очень важно в этой жизни иметь хороших и верных друзей.

До узбекско-туркменской границы остается 20 км.

Меня нагоняет скрипучий велосипед. Его хозяин, неказисто одетый узбек, давит на педали изо всех сил, чтобы догнать меня. Я останавливаюсь.

– Куда едешь, брат?

– В Туркмению.

– А ну поехали ко мне на обед, поешь хотя бы. Внешний вид мужчины, его разваливающийся велосипед и немного дерганые движения не вызвали у меня доверия. Но если я не буду доверять никому, смогу ли прожить открытую жизнь? Без предубеждений и страха? Желудок легким бурлением изнутри напоминает, что судить о людях, не зная их, плохо, и если зовут на обед – надо идти. Колеблюсь еще пару секунд.

– Поехали!

Подъехали к разваленному домику, больше похожему на дачу моего ата.

Навстречу нам выбегает маленький мальчик, за ним, вытирая руки о фартук, семенит пожилая женщина. Не проходит и пяти минут, как уже накрыт дастархан. Пригласивший меня мужчина без конца убегает в дом и выносит банки с соленьями. Мне становится неловко, прошу его не доставать

все, но хозяина дома в азарте гостеприимства уже не остановить.

На низком столике уже не оставалось места, аппетитные запахи смешались, хозяин с грохотом доставал откуда-то припасы и, успевая тараторить о заработках в России, раскладывал все на скатерти.

Свет, лившийся через покрытые сажей окна, падал на морщинистое лицо мужчины, и тот, словно в диафильме, менялся, с выражением рассказывая немудреную историю своих скитаний.

...За два года работы ему удалось заработать почти десять тысяч долларов. Я смотрю в его потемневшее от солнца лицо и мельком оглядываю свои пальцы – они такой работы не видели. Мне становится немного стыдно и за спокойную жизнь в офисе, и за дорогой велосипед, и за спину, не знавшую ломоты от постоянного махания метлой.

Хозяин подливает мне чай и с гордостью показывает куда-то в сторону стены. Говорит: мол, купил минивэн «дамас», будет образование теперь получать. Лицо светится немного смущенной улыбкой, но я рад за него. Главное, что он не хочет останавливаться.

Я спросил его, каково было там работать. Он невнятно покивал и посмотрел на меня уже грустно: «Сам знаешь, брат, как это». Но я не знал...

Продолжаю путь. Дорожный транс прерывает виляние переднего колеса – спустилось. Из всех инструментов у меня

есть только надежда и вера в добро, все три насоса сломаны. Тридцать минут проходят незаметно в тщетных попытках исправить ситуацию.

Около меня останавливается миниатюрное творение узбекского автопрома. Водитель, грузный мужчина лет тридцати пяти, с деловитым видом осматривает моего раненого скакуна.

– Давай колесо, посмотрим, что можно сделать.

Я пожал плечами и отдал ему спущенное колесо, другого выхода не было. Водитель крикнул через закрывающееся окно: «Сейчас привезу!» – и, хрустнув гравием, исчез.

Первые двадцать минут я успокаивал велосипед и утверждал, что в человечество еще можно верить и колесо обязательно вернется. Через двадцать пять минут отвернулся в сторону равнины, чтобы не видеть укоризненно сгорбленную раму.

Синяя Nexia начала сигналить за километр. Водитель выбежал из машины, и я облегченно вздохнул – колесо вернулось отдохнувшим и готовым снова пуститься в путь. Мужчина извинился за задержку – базар закрылся, и ему пришлось покататься по городу, чтобы найти мастерскую.

Я еще долго махал ему вслед, прижимая к груди бесценный подарок – небольшой китайский насос.

Последняя остановка в Узбекистане. Хозяин приграничного кафе любезно предоставил кипяток для китайской лапши. Я разложил палатку и провалился в мертвый сон без сно-

видений и ощущений.

День 15 – Туркменистан

Туркменская виза позволяла мне быть на территории страны пять дней, но судьба и, вероятно, голодные дети пограничника реши-ли иначе. На границе грузный мужчина в форме, приподняв бровь, оглядел мой велосипед, небрежно взял паспорт, снова взглянул на меня и, будто устав от одного моего вида, протянул:

– А-а-а, Казахстан...

Листание паспорта длилось бесконечно, комиссар приближал его к лицу, рассматривал на просвет, я ждал, когда он уже попробует корочку на зуб. Сеанс пантомимы продолжался еще несколько минут, когда со мной наконец заговорили:

– Может, за четыре дня Туркменистан проедешь?

Я начал объяснять, что не могу, вот же виза, пустыня впереди, а я на велосипеде. За пять-то дней тяжело.

– Ладно, тогда я звоню в Ашхабад, они тебе отменяют визу, – тон не был шутливым.

Черт! Или в комиссара вселился Харон, и я должен был заплатить ему парочку древнегреческих монет, или же я растерял остатки мозга в Узбекистане. Я ничего не понимал. Молчание затянулось, и внутренний скептик проворчал: «От тебя хотят денег, тормоз».

– Хорошо, поеду за четыре.

Чем меньше у тебя денег, тем гибче ты становишься. Пустят в страну, и ладно.

Недовольный моей сговорчивостью пограничник, стиснув зубы, перечислил правила поведения. Итак, в Туркменистане мне нельзя было фотографировать и оставаться у местных. Передавая паспорт, вместо «добро пожаловать в Туркменистан» мне сказали 18 мая быть на границе с Ираном или «будут большие проблемы».

Еду в Туркменабад – второй по величине город в Туркмении. Живут здесь в основном туркмены и узбеки, есть диаспоры русских, казахов, татар и каракалпаков. Город возник еще во времена Великого шелкового пути, но тогда это было поселение Амуль.

В 70 километрах к юго-востоку от Туркменабада, в Каракумах, расположен Репетекский заповедник, через который я проеду совсем скоро. Заповедник известен как самое жаркое место в Центральной Азии, наивысшая зафиксированная температура – 80 градусов по Цельсию. Удачи мне!

На пути к Туркменабаду меня нагнал смуглый велосипедист лет десяти. Его звонкий окрик «ты откуда?» заставил меня вздрогнуть, он буквально появился неоткуда. Мальчик ехал рядом со мной, выныривая то справа, то слева, ехал «без рук», цепко наблюдая за моей реакцией. В какой-то момент ему это надоело, и он, подъехав вплотную, крикнул:

– Дай мне шлем!

Я улыбнулся. «Наглый парень», – невольно подумалось.

– Но он мне нужен. Я не могу тебе его дать.

– Дай мне шлем!

Не знаю, владел ли этот парнишка технологией психологического давления или нет, но под его настойчивым взглядом я быстро понял, что шлем мне, в принципе, никогда не был нужен. Передав его, я даже задышал легче, словно дуло пистолета, наставленное на меня, исчезло. Маленький терминатор (из второй части одноименного фильма) деловито натянул шлем и укатил.

В городе я долго колесил среди зданий в поисках кафе или столовой. Горожане оказались дружелюбными ребятами: многие с интересом подходили и спрашивали о путешествии. Мне даже показалось, что я дома: тот же постсоветский налет на лицах людей и фасадах домов, те же плакаты с обещаниями светлого будущего. Времени предаваться ностальгии не было, поэтому вечером я уже был за пределами города. Провизию купил на базаре.

Пустыня. Следующие сто километров превратились в агонию. Тело стало ленивым, как теплый пластилин; велосипед стал обжигать ноги; от дрожащего марева, поднимавшегося от асфальта, мутило.

С заходом солнца жара не спала, а перешла на новый уровень. Каждый вдох давался с трудом, я вдыхал горячий воздух, мечтая выплюнуть легкие. Сорок градусов днем перетекали в душные двадцать ночью.

Нужно было найти место для ночлега – мышцы ныли, тело

требовало остановки. Сворачивая к обочине, я увидел лежащую собаку. Мурашки пробежали раньше, чем я успел что-либо осознать. Живое существо не может лежать в такой позе. Не осознавая своих действий, я подъехал к животному – это был мертвый шакал. Мухи кружили над ним, монотонно выгрызая с гниющей плоти эпитафию.

Первобытный страх скрутил живот, ноги не могли давить на педали, превратились в вялые культи. Я больше не был взрослым мужчиной-путешественником, а превратился в ребенка, задыхающегося от страха, желающего поскорее убежать, отказаться от целей и решений. Мозг кричал, обессиленный жарой и недосыпом. Десяток километров был пройден, но полуразложившийся шакалий глаз все еще мерещился, заставляя ехать дальше.

В беспамятстве поставил палатку, забрался внутрь. На всякий случай записал координаты – $38^{\circ}38'19.7''$ с. ш. $63^{\circ}13'16.4''$ в. д. Вода в бутылке стала противно-теплой, от нее пахло чем-то протухшим. От запаха стало еще хуже. Страх и жара сплелись и теперь сокрушали остатки разума тошнотворным дуэтом. Духота атаковала снаружи, паника была изнутри.

Я пытался привести мысли в порядок. Выходило плохо.

Где я? В палатке. А если масштабнее?

Я забыл слово. Если бы мозг мог чувствовать боль, то сейчас бы не выдержал перегрузки. Я забыл слово и от этого словно сошел с ума.

Где я? Где я?

Палатка уже давно превратилась в газовую камеру, но я не решался открыть ее. Так и сидел, обхватив колени, с ножом в руках.

С первыми лучами стало прохладнее, сон накрыл спаси-

тельной волной.

А слово, мучившее меня, оказалось простым – «Каракум».

К утру сил не прибавилось. Снаружи меня ждало палящее солнце и плотный горячий воздух. Велосипед обжигал, но выбора не было – температура поднималась, меня могла постигнуть участь вчерашнего шакала. Обжигая икры, я поехал.

В детстве я читал об американской Долине смерти. Плюс 46 днем и 31 по Цельсию ночью.

*«Чтобы полюбить жизнь, достаточно однажды
оказаться на грани» – Магжан*

Не знаю, почему участок туркменской пустыни не имеет своего громкого названия – датчики показывали плюс 46. После двадцати километров ноги начали слетать с педалей. В глазах потемнело, и через секунду я почувствовал, как раскаленные камешки впиваются мне в плечо. Первый солнечный удар. Очнулся, облился остатками воды. По всем признакам – обезвоживание.

До ближайшего города сотня километров, машин практически нет, ехать назад – не лучший выход. Без воды и сил долго не протяну.

Я замер посреди дороги, пытаюсь не свалиться еще раз. Маревое поднималось, кружило вокруг меня, превращалось в дрожащее стекло. В голове не было мыслей – для них не осталось энергии.

Протяжный гудок вырвал из забвения. В мою сторону неслась фура. Водитель вопросительно взмахнул руками, я помахал пустой бутылкой в ответ. Радость придала мне сил, спотыкаясь, побежал навстречу. Поднявшаяся пыль быстро остудила мой пыл – грузовик пролетел мимо.

Пока я соображал, за что жизнь со мной так поступила, из окошка фуры вылетела бутылка. В меня уже бросали бутылками. Но если та тара могла поранить, то эта спасла жизнь. Сознание быстро прояснилось.

Нужно сваливать отсюда.

Срочно!

Я постарался ехать быстрее, но пустыня, разъяренная моим флиртом с фортуной, выпустила всех своих демонов. Воздух дрожал, превращался в оскаленного призрака с шакальей мордой. Видение гналось, скрежеща зубами. Спустя пять часов вода закончилась. В голове не было мыслей, мозг включил режим выживания, отдал поводья ногам и отключился.

Испытывали ощущение во сне, когда не можешь бежать, крикнуть или вообще шевельнуться? Я так же застыл в своем теле, хоть мышцы и продолжали напрягаться, давя на педали. Нужно ехать – иначе смерть. Эти несколько слов обручем сковали голову, мигая бегущей строкой, заставляли держать глаза открытыми.

Я не знаю, сколько времени прошло. Солнце не опускалось, ландшафт не менялся. Пустыня насмеялась надо

мною, бросала в лицо сухие травинки и горсти камешков.

Когда ко мне подъехала машина, я подумал, что это новый уровень агонии. Полицейский подошел, начал что-то обеспокоенно спрашивать, но я не слышал, словно был в пузыре. Ему пришлось пару раз похлопать меня по щеке, чтобы я сфокусировался.

– Эй, держи воду, тебе говорю.

Вода... Организм встрепенулся. Я припал к бутылке, жизнь вливалась в меня с каждым новым глотком.

Ангел-спаситель в полицейской униформе заботливо придерживал меня, пока я дрожащими руками ставил велосипед.

Мы заполнили все имеющиеся у меня емкости. Полицейский рассказал, что каждый день проезжает эти триста километров голой пустыни и помогает путникам, которые застряли среди песка и жары.

С четырьмя бутылками прохладной воды ехать стало намного легче. Я не верил своей удаче. Каковы шансы встретить машину с пятилитровками посреди камней и иссохшей земли? Ужасы пустыни отступили, мне показалось, что даже ветер стал прохладнее.

Я въехал в Мары, четвертый по величине город Туркменистана. До 1937 года город назывался Мерв.

Шум машин, торопливые пешеходы, вид мечетей успокоили меня, я был среди людей, и сегодня мне уже ничего не угрожало. Нужно было искать место для ночлега – гости-

ницу или хостел. Останавливаться у местных было запрещено, дабы не привнести в их мирные думы семена смуты. Я улыбнулся, ведь, действительно, вид у меня был как у уставшего Че Гевары.

С каждым новым кварталом я все больше погружался в советскую атмосферу: дома напоминали мне улицы детства, с плакатов улыбались усатые мужчины, протягивая руки счастливому будущему.

Найти гостиницу мне помог молодой дворник. Дверь больше выглядела как временной портал. Вел он не в будущее, конечно.

Заплатил четыре с половиной доллара, прошел в номер. Пол, выполняя свое основное назначение, зубодробяще скрипел на разные лады в лучших традициях хоррора. Маленькая кровать, наглухо закрытые деревянные окна и неуместно торжественная люстра с бахромой могли бы вызвать приступ сплина, будь я настроен более лирично. Убедившись, что вместо горячей воды кран издает утробный рык вперемешку с шипением, я решил заняться самым приятным делом, которое может позволить себе взрослый человек, закрывшись в комнате, – сном.

Пару часов душного сна придали сил, я вышел прогуляться. Духота только добавляла нереальности этому месту, я будто провалился в безвременье и теперь пытался не стать частью этого пейзажа, не слиться с серыми стенами, не пропасть в теплом воздухе.

В забегаловке купил себе пива, заказал шашлык. Дразнящий запах вернул меня к жизни, сок мяса, стекающий на тарелку, кажется, добавил какой-то недостающий элемент в кровь. Жизнь вдруг показалась если не прекрасной, то вполне сносной.

Следующий день выдался продуктивным, солнце почти не хотело сжечь меня, и, пользуясь случаем, я пролетел 120 километров. Ландшафт сменялся буро-зеленой лентой, я не хотел снова оказаться лицом к лицу с пустыней, поэтому давил на педали изо всех сил.

Дорога привела меня к небольшому поселению – пара ветхих землянок и четыре юрты. Я остановился и чуть не упал, ноги, привыкшие к круговым движениям, не смогли сделать и пары шагов.

Пока я запинаясь, на меня смотрел мужчина в потрепанной бейсболке. По тому, как он по-хозяйски оперся одной рукой о дверной проем, а второй задумчиво ковырял в зубах спичкой, я понял, что насчет ночлега можно узнать у него.

Хозяин лениво махнул мне рукой – мол, заходи.

Меня накормили подозрительного вида супом, за него я отдал около двадцати долларов. Я старался не думать, что плавает в тарелке, поэтому хлебал молча. К супу шли неплохие бонусы – прохладная кока-кола и бесплатная ночевка.

Вспомнил слова пограничника, спросил, не будет ли проблем?

Хозяин гордо усмехнулся.

– Ой, да не переживай, я сам из армии, ничего не будет тебе. Иди ложись в юрту!

Сон вырубил ровно в ту секунду, когда я начал размышлять, как высоко прыгают туркменские сверчки.

...Обычно, подкошенный усталостью, я не видел снов. Но сегодня летел по алматинскому проспекту Аль-Фараби, вдыхал прохладный воздух, разглядывал новые вывески, ощущал ровный асфальт. Но вдруг полотно задрожало, разметка превратилась в адскую трещину, из которой раздался стук, превращающий колени в трясущееся желе. В ночную прохладу ворвался тяжелый запах войлока. Я вскочил...

Сдали... Подставили... Мое путешествие закончится в туркменской тюрьме. Я заметался по юрте, хватая вещи... Стук прекратился.

Я прилег, вслушиваясь в ночь. Через десять минут дверь распахнулась, я снова подскочил. Хозяин стоял с мужчиной небольшого роста. Показал ему на место возле меня, сказал что-то по-туркменски и вышел. Тот кивнул, лег в метре от меня и через минуту захрапел.

Завтрака я не дождался. Торопился добраться до границы, чтобы не быть застигнутым туркменскими силовиками где-то в ночи. К полудню добрался до Серахса – границы с Ираном, на последнем километре как нетерпеливый ребенок давил на педали. Задание туркменского пограничника было выполнено – четыре дня через Туркменистан останутся в моей личной книге рекордов навсегда!

День 18 – Иран

Обычно на границе встречают строго, а меня, обгорелого, заросшего, с диковатым оскалом – тем более. Иран же встретил меня милovidным лицом женщины-пограничника в платке. Ее Welcome to Iran с мягким акцентом придало мне сил. У меня вежливо спросили, куда я направляюсь, как проходит путешествие.

В Иране серьезно относятся к наличию радикальной религиозной литературы у въезжающих в страну. Но у меня с собой была только многострадальная «Путешествие домой» Раджанатха Свани.

Девушка с живым интересом повертела книгу и с лучезарным «мерси» вернула ее мне. Забавно, на иранском «мерси» тоже значит «спасибо».

Здравствуй, Иран!

Пройдя границу, я словно обновился, стряхнул грязь и страхи прошлых километров и теперь летел вперед с наивной улыбкой. Меня ждал Иран – чудесная республика, о которой я столько грезил.

До крупного города – Мешхеда – ехать 180 километров, выжать их нужно было сегодня, чтобы не ночевать на улице. Перекусил в придорожной забегаловке и рванул.

Ландшафт становился все дружелюбнее. Подъемы не давали заснуть, потянуло прохладой, я ликовал.

Внезапно фура слева начала сигналить, остановилась. Из нее выскочили трое мужчин и направились ко мне. Я старался улыбаться бородачам. Черт, что им нужно?

Мужчины что-то затараторили на фарси. Я размахивал руками, показывая, что ничего не понимаю. Через некоторое время до меня дошло, что они хотят предложить воду. Воду взял, имена узнал, поехал дальше. Компания уехала так же шумно, как и появилась.

Из проезжающих машин мне кивали, махали, ободрительно кричали.

Через несколько километров снова остановился белый седан, на этот раз мужчина вынес мне бутылку воды, банан и шоколадку.

– Welcome to Iran, – сказал он, протягивая еду.

Еще два раза незнакомцы останавливались и предлагали помощь. Я не мог понять, почему эти люди так сопереживают мне, почему искренне хотят помочь. Мозг с трудом ворочался, усваивая новую мысль: люди человечны. Удивительный народ!

Стемнело быстро, я проехал только восемьдесят километров, по карте до ближайшего населенного пункта нужно было ехать еще двадцать.

Темнота стала непроницаемой, я все ехал и ехал вверх, а холм и не думал заканчиваться. Пошел пешком, чтобы не наехать на неприятности. Бархатный мрак казался даже уютным, но ставить палатку мне не хотелось – боялся заблу-

диться. Решил идти, пока не увижу свет поселений.

Воздух быстро стал холодным, темнота замерла, уставившись на меня миллионом немигающих звездных глаз. Не было слышно ни птиц, ни шума машин. Я отгонял от себя жуткие мысли, прислушиваясь к глухому стуку сердца и унылому скрипу колес.

В такие моменты время начинает показывать свою темную сторону, издеваться, растягиваться, останавливаться. Будто и не было всей моей предыдущей жизни, других стран и городов, ничего никогда не существовало – только темнота, бесконечный холм и скрип колес.

Я старался не думать, позволил сознанию, как дыму, принимать причудливые формы, не допуская илу прошлого подняться со дна. На бой с тенями я не был готов.

Свет, сияющий впереди, заставил сердце биться, как если бы настоящее солнце внезапно спустилось и персонально осветило дорогу. Но это был всего лишь пикап, шумно пережевывающий гравий громадными колесами. Но в тот момент мне так не казалось. Это был Спаситель, Торжество человеческой мысли, Свет во тьме, но только не «всего лишь пикап».

И он пролетел мимо. Да что за ...?!

Ан нет, все хорошо. Машина остановилась на расстоянии ста метров от меня. Водитель обратился ко мне на фарси, я заученно замахал: «English, english».

Мужчина посмотрел на меня, решительно зашагал вокруг

машины, достал телефон, позвонил, подбежал с телефоном ко мне.

Из трубки мне уже кричали: «Hello, hello?»

Голос принадлежал Мехмету – брату водителя. Он объяснил, что меня приглашают в гости, я кивнул. В машине нас ждали женщина и двое малышей. Я старался казаться улыбающимся, чтобы моя борода не напугала ребят. Вместе с водителем погрузили велосипед в пикап и поехали.

Нормальное сиденье, которое приютило меня полностью, а не только ту мозоль, в которую уже давно превратилась моя пятая точка, и ровное гудение печки моментально вырубил меня. Я дремал, слушая, как Абдулла тихо разговаривает с женой, и на секунду у меня появилось чувство, будто мне снова пять лет и меня везут с шумного праздника домой.

Мы въехали в тихий поселок, несколько псов рванули к машине. Я высунулся из окна словно школьник, приехавший на каникулы. Вид засыпающих домов, осознание того, что за стенами мирно вздыхают во сне люди, успокоили меня. Больше не было одиночества, больше не было пустоты.

Большеглазая хозяйка дома обладала удивительным женским даром создавать уют одним прикосновением. Через несколько мгновений после нашего приезда стол уже заполнился чем-то ароматным.

Абдулла продолжал что-то рассказывать, заполняя молчание. Я, улавливая отрывки слов и жестов, кивал и вгрызался в поданное мясо. В какой-то момент мы все же смогли

понять друг друга – по телевизору передавали Лигу чемпионов, и двое мужчин из двух не понимающих друг друга людей превратились в болельщиков футбольных команд – «Реал Мадрид» и «Барселона», которым не нужно было слов, чтобы доказывать превосходство своих фаворитов.

Утром мне дали огромный сверток иранских вкусностей. Я поблагодарил как мог семью Абдуллы и рванул дальше.

Вчерашний адский подъем сегодня обернулся удачей. До Мешхеда я летел с холма под тридцать километров в час, изредка смахивая слезы от ветра и восторга. Дорога была ровной, погода – отличной, и я снова поблагодарил изобретателей велосипеда за ощущение полета и легкости.

Мешхед – второй по величине город Ирана с населением более двух с половиной миллионов человек. Шииты со всего мира приезжают сюда к главной святыне города – мавзолею имама Резы. Город встретил меня шумными трассами и мелодичными призывами к молитве. Я снова бродил с раскрытым ртом, озираясь на минареты. Видеть столько полностью закрытых одеждой женщин было непривычно, но, кажется, я своим видом пугал их больше.

Нашел жилье на couchsurfing. Меня встретил парень Эхсан Мирмостафае. Он привел меня в просторную квартиру, заставленную статуэтками и конструкциями. Это была настоящая галерея с картинами, с ощущением классической музыки, словно застывшей в воздухе, и, конечно, с главным экспонатом – отцом семейства.

Они с супругой всплеснули руками при виде меня. Женщина тут же убежала накрывать на стол, пока отец Эхсана рассказывал мне о своей главной страсти – живописи.

Сам он, больше похожий на дирижера, чем на художника, то и дело взмахивал тонкими пальцами и объяснял, как нужно понимать картину. Под каким углом и на каком расстоянии смотреть на нее, чтобы понять задумку автора. Расписывал, какое значение имеют оттенки и чем отличается скрытый мазок от выраженного.

Когда я спросил о любимых художниках, его глаза загорелись, как если бы меня спросили о моих впечатлениях после концерта Queen. Истомин, Айвазовский, Верещагин, Малевич, Суриков – он рассказывал о них с упоением. Ему самому нравилось рисовать Русь, казаков. Простор, светлые тона русского пейзажа вдохновляли его. Я с детства знаком с людьми искусства, моя тетьа Лейла Махат – художник, в ее доме я научился ценить картины, понимать искусство, поэтому сейчас снова вспомнил детство.

Иранская кухня – одна из древнейших в мире. И вкуснейших. Огромное разнообразие риса, мяса, овощей. Когда хозяйка дома расставляла на столе еду, я искренне пытался не коситься в сторону угощений, а слушать художника. Получалось плохо. Уже после плотного ужина сделал пометку в голове: найти иранскую кухню в Казахстане.

Мешхед разбудил меня теплым ветром и призывом к молитве. В этом городе я чувствовал себя на удивление спокой-

но. Улицы уже были умыты водой, дороги быстро наполнялись машинами.

Кстати, движение в Мешхеде, да и вообще в Иране, сумасшедшее. Но хаос этот упорядоченный, не вызывающий ни у кого криков, лязга железа и разбирательств. Пока толкал рядом с собой велосипед и рассматривал здания, заметил, что здесь много девушек за рулем. Серьезные, покрытые плотными платками, они обгоняли мужчин, подрезали их и лихо вырывались вперед.

«Мы непременно испытаем вас незначительным страхом, голодом, потерей имущества, людей и плодов. Обрадуй же терпеливых...» Коран. Сура 1. Аль-Фатиха

Когда я переходил границу, от моего брата Диаса пришло встревоженное сообщение: «Будь осторожен, в Иране много радикалов. Если спросят, мусульманин ли, скажи, что да». Помню, я даже как-то задиристо вскинул голову, подумал: «Не могу обманывать себя и других, притворяться не буду. Паршиво это».

Как-то мой родной дядя сказал, что верит в Бога, но посредники ему не нужны. Придерживаюсь схожего мнения.

Через пару дней, когда меня окружили ребята с бородами до пола, с веселой злостью спросили: «Are you muslim?» – жизненные принципы и желание уйти невредимым здорово столкнулись. Победила смекалка – я закивал и с улыбкой сказал что-то вроде: «Well, in Kazakhstan the yare muslims». Повезло!

Конечно, можно было рассказать, что я считаю, что главное в жизни – это жить по совести и приносить пользу. Что религия – выбор каждого. Но я не стал вдаваться в подробные комментарии. В чужой стране свои взгляды, религиозные или иные, все-таки лучше держать при себе. Путешественник должен быть гражданином мира и принимать всех людей с их взглядами и вероисповеданиями.

Меня поразило, как привычно воспринимали жители города разделение мужчин и женщин. Когда я спустился в метро и увидел удивленные глаза нескольких женщин в закрытой одежде, то понял, что что-то не так. Мне кивнули на выход. Побрел искать вагоны для мужчин. Кстати, в автобусах то же самое. Мужчины заходят спереди, женщины теснятся в задней части.

Познавать Мешхед можно бесконечно. Я выхватывал окружающие меня мелочи и быстро зарисовывал у себя в голове. Картинка получалась пестрая. Желтые металлические ящики для сбора пожертвований, голубые купола мечетей и минаретов, зеленые деревья и пестрые платки.

Как мне сказали, алкоголь в Иране не продается. Нетрезвый водитель вообще может получить восемьдесят ударов плетью на свою несчастную спину.

Правил в Иране очень много. Если на девушке сполз платок – ей об этом сразу же возмущенно сообщат. И так с девяти лет. Колени и локти должны быть прикрыты. Мужчинам нельзя выходить в шортах – мне лично не дали насладиться-

ся прохладным ветром Мешхеда укоризненно-настойчивые взгляды прохожих.

Следующая остановка в Иране – Нишапур. Лечу под шестьдесят километров. Навстречу мне движется черная масса, подъезжаю чуть ближе, замираю. Толпа мужчин с черными флагами монотонно бредет, выкрикивая что-то устрашающее. Хоть бы не затоптали.

Уже позже мне, жертве стереотипов и телевизионного воспитания, объяснили, что это явление обычно для дорог Ирана – люди просто совершают паломничество.

Иранское гостеприимство не заканчивается в городе. По дороге меня несколько раз останавливали, предлагали еду, чай. Интересно, что в багажнике многих иранцев можно встретить ковер и набор еды. Они съезжают на обочину, раскладывают ковер и угощают голодных путешественников, например, из Казахстана.

Температура повышается. В жару ехать сложно. Совет для путешественников: если хотите остудить воду, возьмите носок, намочите его водой или, в крайнем случае, мочой, наденьте на бутылку, прицепите на раму – через двадцать минут быстрой езды вода в таре остынет до приемлемой температуры. Метод радикальный, но действенный. Много раз спасал меня в пустынях.

Нишапур все ближе. А вы знали, что полное имя Хайяма – Омар Хайям Нишапури?

Я въезжал в город удивительной архитектуры, город, в ко-

тором родился великий поэт и мыслитель.

Пока я ждал Хади Хесари из couchsurfing, ко мне подошел иранец. Годы в Аксайском казахско-турецком лицее прошли не зря – удалось поговорить на турецком языке.

Он рассказал, что кто-то зашел к нему в магазин и сказал, что видел велосипедиста, которым оказался я.

Незнакомец был владельцем веломагазина и бывшим путешественником: за двадцать лет объехал на велосипеде весь мир. Работал обычным учителем электроники, начал открывать мир с малого – сначала сгонял в Азербайджан. Вернулся на самолете. Потом в Турцию – вернулся. Зарабатывал год, снова уезжал. И так двадцать лет подряд.

Он предложил мне записать аудиозаметку на фарси – ему так помогла одна китайка: наговорила самые нужные фразы на китайском: «Я нуждаюсь в ночлеге», «Я путешественник», «Нужна помощь». Кстати, эта мелочь не раз выручала меня в местных деревеньках. Я просто включал аудио, подходил к полицейским, и меня отводили на ночлег. Почти во всех иранских аулах можно бесплатно переночевать в общежитии для спортсменов.

Хади сводил меня в музей Омара Хайяма. Ехать до него пять километров, цена билета – десять реалов для местных. Если захотите сходить – пригласите с собой нишапурца, так дешевле.

Hello my name is Magzhan.
I'm from Kazakhstan

میتسه نازغوم نام مهالسن
میتسه ناسنقر اازی له نام

Salam, man Magzhan
hastam. Man ahle
Ghazaghestan
hastam.

Мой восторг от Ирана во многом появился из за еды. Несмотря на то что я первые две недели не понимал фарси и покупал только кебаб – единственное слово, которое понимал в меню. Ни о чем не жалею.

До Себзеvara я добирался быстро, дело было не в прекрасной погоде или хорошем асфальте – просто на выезде из города увидел предупреждающий знак с ягуаром. Как камнепад или переход скота. Мозг понимал, что велосипед против дикого зверя – набор железок, поэтому ноги с упорством да-

вили на педали.

Нервное напряжение давало о себе знать. Я на автомате принимал помощь, заезжал в город, заходил в квартиры, рассуждал о свободе и несправедливости. Многие говорили о том, что хотят уехать в Великобританию или США, жаловались, что до семидесятых все было иначе. Где-то на задворках мозг отмечал, что мне попадаются образованные, светские люди, заточенные в улицы шумного и жестокого восточного базара. Но я не мог думать или судить. Я хотел отдохнуть.

На пути в Тегеран остановился мужчина, начал спрашивать на фарси:

– Откуда едешь? – Казахстан.

– Узбекистан?

– Казахстан!

– Таджикистан?

– Казахстан!

Кивнув, мужчина уехал. Что это было?

Персы – одни из самых гостеприимных людей, которых я встречал. Не зная языка, на жестах, мимикой предложат помощь, всегда интересуются, откуда ты и куда направляешься. Через этих людей и в страну легко влюбиться.

Ночью я проехал Дамган, установил палатку. Еще один типичный вечер в путешествии. Дико устал, хочется просто уснуть и восстановиться. Но если не приготовлю себе ужин, сил брать будет неоткуда. Достаяю газ, горелку, маленькую ка-

стрюлю и заливаю в нее воду. С ней всегда проблемы: я трачу около поллитра или литр, чтобы помыться, плюс готовка. Закидываю в кастрюлю лапшу и жду, пока приготовится. Добавляю сыр, вяло жую и сразу же падаю спать.

...Нужно будет обязательно отдохнуть в Тегеране, так как сейчас я каждый день проезжаю около 100—200 километров. А если бы я путешествовал на верблюде? Ловлю Сеть, захожу в Интернет. И так, раньше караваны шли со скоростью пять километров в час и проходили за день около пятидесяти километров. На одногорбом верблюде, или дромадере, можно ехать почти 16 километров в час. Неплохо, парочка дромадеров сейчас вполне облегчила бы мне жизнь...

В Тегеран я въезжал обессиленным. Столица Ирана встретила меня облаком смога и ревом машин. Автобусы неслись, оставляя за собой чернильные пятна, люди кричали, хлопали дверями, колеса визжали, пуская по стеклам домов мелкую рябь.

Я слез с велосипеда и покатил его рядом. До дома Али — двадцать километров.

Город вытянут на двадцать километров выхлопов и шума. Я чувствовал себя ничтожным. Флюиды бессилия превратили меня в легкую мишень: сначала в мой велосипед въехало такси, а чуть позже к стене придавил автобус. В обоих случаях я был облит потоком брани на фарси.

Али встретил с широкой улыбкой, которая быстро превратилась в обеспокоенные морщины на лбу:

– Все в порядке?

Я уверенно кивнул. Хозяин дома осуждающе покачал головой и отправил меня в ванную.

Как легко определить степень усталости, с которой нельзя шутить? Найти зеркало.

В отражении на меня смотрел какой-то заросший азиат с острыми скулами и опасно красными глазами. Помню, что отрубился на неизвестное количество времени. Проснулся с гудящей головой.

За ужином узнал, что Али тридцать пять лет, и он никогда не служил в армии. Иранские мужчины, не прошедшие армейскую службу, не могут получить водительские права или загранпаспорт, поступить в вуз или жениться. Принцип «не служил – не человек», доведенный до абсурда. Я видел в городе солдат, они были больше похожи на туристов: гуляли, смеялись, кто-то даже ел мороженое.

Али пожимает плечами, говорит, что не собирается отдавать государству два года жизни. Пока на жизнь зарабатывает графическим дизайном. Уехать не может. Иностранцев начал принимать, чтобы не оставаться одному – уже несколько лет страдает от панических атак. Ему всегда нужна компания, к тому же, принимая иностранцев, он сам словно путешествует.

Пока мы ели, к нам присоединился еще один гость – Тимур из Гонконга, тоже путешественник. Разговорились: он уже бывал в Казахстане и даже жил два месяца в Талгаре

у общей знакомой Айман. Не перестаю удивляться «круглости» Земли. Отправили совместное фото Айман – все-таки не каждый день два ее знакомых встречаются в Иране!

К обеду приехали еще два гостя – Джейн и Том, мать и сын из Австралии. Я остался в восторге от общения с ними – в Иране мне стало не хватать легких людей.

Чтобы понять, как живет Том, нужно посмотреть на его носки: неподходящие друг к другу, цветные, будто вырванные из разных частей света. Его философия – жить просто: узнавать мир, не тратить много, копить впечатления. Одевался он только в секондхендах, мог выйти в пижамовидном свитере и гулять так по улице.

Том шагал широко, уверенно, готовый объять весь мир своими ручищами. Казалось, плитка под его ногами вот-вот пойдет волнами, не в силах выдержать безудержную энергию. На секунду я подумал, что он, опьяненный Ираном, схватит какую-нибудь девушку и пустится в пляс. Представил, как буду объясняться с местной полицией, вытаскивая этого бедолагу.

А Том тем временем тормозил меня – теперь он захотел найти работу в иранском университете. Я пожал плечами и поплелся за ним, пока он взахлеб рассказывал, как хочет здесь остаться. Еще полдня мы обходили университеты – искали Тому работу.

Австралиец заразил меня восторгом. Я с одинаково раскрытым ртом ходил по залам музея современного искусства

с редкими картинами Ван Гога, Пикассо, слушал рассказы о революции, рассматривая посольство США, где удерживались заложники...

Когда ловили такси, к нам присоединилась девушка. В Иране горожане часто шерят поездки, даже незнакомые между собой люди ловят попутку вместе, чтобы разделить расходы на проезд. «Туземка» расспрашивала нас о путешествиях, общий язык мы нашли очень быстро. В конце поездки она запретила нам платить, сказав: «Вы гости в моей стране». Мы вышли из машины слегка ошарашенные и еще более влюбленные в иранцев.

А люди здесь сотканы из контрастов. Чувствовались в них какая-то скрытая сила, желание все изменить. Временами казалось, будто я стою у громадной плотины, которая больше не в силах сдержать поток, уже пропустив первые пробивные капли.

На одном из небольших городских привалов к нам подошли парень с девушкой – студенты. Парень протянул руку и вместо приветствия спросил:

– Откуда ты?

– Из Казахстана.

– Когда-то давным-давно человек из твоей страны пришел и сжег все библиотеки в моей стране.

Я быстро промотал в голове список тюркских завоевателей. Никого, подходящего на роль «сжигателя библиотек», не нашлось.

– Кто?

– Искандер!

– Друг, Искандер не из Казахстана, он из Греции.

– А-а-а, ошибся, значит.

– Может, Чингисхан?

– Да-да, он!

– Но он из нынешней Монголии, а я из Казахстана, – не выдержал я и засмеялся.

Парень почесал затылок и тоже захохотал. Такие они, люди Ирана – прямые, гостеприимные и открытые, несмотря на ворох запретов, скрывающих их горячие сердца.

Ритуалы, мелкие детали этикета смущали и удивляли на протяжении всего моего пребывания в Иране. Нельзя поворачиваться спиной при прощании, нельзя подавать левую руку, нельзя надевать шорты – моя главная боль.

С явлением «тароф» у нас возникла заминка. Зашли с Томом в донерную, кассир отказался принимать у нас деньги. Отнекивался и так яростно размахивал руками, что мы начали думать, что нарушили какое-то правило. Пожали плечами, взяли донер и вышли. Уже дома Али, смеясь, объяснил, что в Иране принято трижды отказываться от оплаты.

Напоследок я сгонял на один день с Томом и Джейн в Исфahan – жемчужину Ирана, город-памятник Древнего мира.

Вернулись на автобусе, сходили в небольшое путешествие в горы. Прощаться с ними было тяжело, я прикипел к этим людям с круглосуточными улыбками.

Чтобы не попасть в пасть удава тегеранского трафика, я проснулся до рассвета. Рванул в Казвин, еще один иранский город с минаретами и азанамы – призывами к молитве. Только зашел к каучсерферу Даниялу, начался смерч. Такого я еще не видел. Хоть и был в квартире, а не в хижине, смотреть в окно было страшно. Деревья выгибались, ветвями жалобно царапая стекла. Тут же позвонил Али, затараторил в трубку: «Живой? Доехал?»

Я видел, как машины на улице потряхивало, не зайти я в здание – точно бы снесло. За считанные минуты все потемнело и превратилось в кружащий темный рев.

Даниял преподает хапкидо в каком-то центре. Хапкидо – то же айкидо, только корейское. Управляешь энергией – своей и соперника. Бог с ними, с соперниками, научиться бы думать головой да беречь свои силы, а не ходить в горы перед стокилометровыми заездами. Я был благодарен этому парню за ненавязчивость – под завывания ветра меня накрыло сном.

В путешествиях сновидения посещают редко – мозг слишком устает от бесконечной смены лиц и локаций и просто показывает тебе спасительную мглу. Именно из нее меня вырвало осторожное прикосновение. Ураган утих.

Я полминуты вспоминал, что за человек стоит возле меня, в каком городе и в какой стране я нахожусь. Ах да, Даниял, Казвин, Иран.

В центре, где Даниял преподавал хапкидо, заболела учи-

тельница турецкого языка, и нужна была срочная замена. Не особо соображая, я согласился. В лицее я получил хорошие знания, в том числе и по турецкому языку.

По пути в голове прояснилось. Я понял, куда иду, а еще то, что у меня совсем нет опыта преподавания. Тем не менее многочисленные педагогические гены по материнской линии сработали, и я начал рассказывать о своих путешествиях и о родном Казахстане. Меня увлекло, но самое удивительное – ученики перестали перешептываться, переглядываться, все их внимание было обращено ко мне.

... Часто засыпая на холодной земле и просыпаясь с насекомыми, проскользнувшими за ворот, оставаясь иногда без еды и воды, я думал: зачем, для чего все это? Почему я не остался дома среди знакомых лиц и привычных маршрутов?

Здесь я обнаружил ответ – ради этого. Ради удивленных глаз, своих и чужих, ради рассвета в одной стране и заката в другой, ради ноющих ног и мгновенного засыпания, ради страха и ощущения настоящей жизни...

На следующий день я добрался до берега Каспийского моря. После вереницы калейдоскопических событий вдумчивая глубина моря-озера действовала на меня успокаивающе. Я вглядывался в зеленые, будто махровые волны и представлял на их месте переливающиеся колосья ковыля, волнующиеся вместе со степным ветром. Где-то там, на северо-востоке, Казахстан. Мой дом.

Возле приграничного Хавика познакомился с дембелями – старослужащими иранской армии. Поехали на мотоциклах в горы, искупался в ледяной реке, провел возле водопада полчаса, показавшиеся вечностью. Никуда не торопился и ни о чем не переживал.

Вообще, я планировал заехать через юго-восток Турции и оттуда поехать в сторону Стамбула. Но из-за военных действий в Сирии пришлось свернуть на север и проехать вдоль Черного моря.

К границе с Азербайджаном я подходил с ощущением, будто набрал воздуха полной грудью. Иран окрылил меня. Но настало время сказать *hudo-hafez* – «до свидания» на фарси – этой стране с богатой душой.

День 39 – Азербайджан

Новая граница. Пограничник с невероятно пышными усами спросил, откуда я. – О, Казахстан! Тюрки! Мы все тюрки: мы, вы, узбеки, турки, киргизы, мы все – один народ.

Соплеменники продержали меня на границе два с половиной часа.

В моем паспорте был штамп из Армении, а с таким попасть в Азербайджан непросто. После моих заверений, что в Армении я был два года назад и проездом, нехотя пропустили. Проблема конфликта в Нагорном Карабахе иногда сказывается на туристах этих стран. Я слышал о случаях, когда людей подозревали в шпионаже и не пускали в страну.

Такая настроенность вымотала меня. Дорога, идущая от границы, добивала – машины неслись так, будто в каждой из них сидели по две роженицы, спешащие в роддом. Трасса была настолько узкой, что пару раз грузовики вжимали меня в ограду. Я слез с велосипеда и выругался. Еще пару километров – и воздушный след от очередного лихача закрутит меня кому-нибудь под колеса.

Поездка в Баку отменялась, еду прямо в Тбилиси. Здесь меня или собьют, или столкнут в кювет.

После нескольких десятков километров по азербайджанской дороге заболели руки, пришлось отдирать их от руля силой.

Впереди виднелось небольшое село недалеко от города Масаллы. На главной дороге ко мне, пошатываясь, шел мужчина. В руках он нес бутылку. После строгих иранских законов я почувствовал себя привычно: здесь тебе никто не запретит употреблять алкогольные напитки.

Сельчанин уже махал мне водкой, заваливаясь от каждого своего взмаха. Спросил, откуда я, продолжая искать точку опоры. Страна происхождения его не сильно волновала, он, качнувшись ко мне, потребовал денег. Я отказал.

Следующий прохожий оказался воякой в потертой тельняшке. Рассказал, что в середине 90-х служил на Байконуре. От него я узнал, что местные старики еще говорят на русском, а молодежь больше стремится выучить английский и уехать.

Я раздумывал, стоит ли последовать совету и заночевать в одном из придорожных кафе. Почему-то вспомнился мужчина, который встретил меня возле границы с водкой. Мозг быстро нарисовал толпу таких алкозомби. Нужно было искать другой вариант – безопаснее и удобнее. Вообще, вопрос ночлега в каждой новой стране встает по-разному, очень важно остановиться и прислушаться к своей интуиции.

В одном из домов пухлая женщина в цветастом платье озвучила стоимость – 5 манат за ночлег, но сказала, что нужно дожидаться хозяина. Я присел возле велосипеда, попытался отряхнуться от песка – бесполезно. Бесцветные кристаллики проникли под одежду и въелись в кожу. Я забросил это

дело и теперь просто сидел, разминая ноюющие ступни.

Хозяин Муса приехал на громадном белом джипе. Я немного удивился, когда из авто выскочил мужчина небольшого роста и деловито засеменил ко мне. Его речь была такой же быстрой, высоким голосом он торопливо расспросил, откуда я, куда еду и зачем.

Выслушав, сказал: будешь спать у нас. «По-братски», – отметил он.

Денег с меня Муса не взял (как и обещал), обеспечил ночлегом и накормил отменным азербайджанским ужином. На рассвете я не успел поблагодарить за гостеприимство – хозяева крепко спали, а меня подгонял график.

«Если тебе человек помог вчера, это не значит, что он поможет сегодня. Скажи ему спасибо за то, что помог вчера» – Михаил Литвак

Семьдесят километров бездорожья дались мне нелегко. Еду где-то недалеко от Агджабеди. Пыль плотно набилась в легкие, заставляя меня ежесекундно плевать и кашлять. Песок с наслаждением скрипел у меня в ногах, раздирая кожу все больше. Мне казалось, что я еду по марсианской пустыне, где, кроме ветра и пыли, ничего не существуют.

Когда ты путешествуешь на велосипеде, уставший вид играет тебе на руку: люди чувствуют себя лучше, если видят, что могут тебе помочь. На тот момент я выглядел жалко – с облепленными пылью торчащими волосами и бородой, напоминающей автомоечную мочалку.

На одной из остановок со мной познакомился мужчина – бородатый детина лет 35. Честно говоря, с такой внешностью он мог бы с легкостью отобрать мою одежду, обувь и велосипед. Но, к счастью, он предложил посидеть в кафе. Мы выпили пива с закуской, напомнившей мне курт. После долгой дороги каждый глоток был как благоговение. Сейчас я был счастлив смаковать нехитрое угощение и чувствовать, как тело понемногу оживает. Наш разговор затянулся на четыре часа.

Он рассказал, что его еще пятнадцатилетним пареньком

отправили в Нагорный Карабах. В 18 дали автомат и сказали: иди стреляй!

Его голос звучал низко, слова вылетали резко, глухо. Вот я уже был среди прохладных темно-зеленых холмов, уставших от автоматных очередей, видел, как вчерашние мальчишки превращаются в сгорбленных убийц с пустыми глазами, чувствовал ноющую пустоту в груди.

– Я там семь лет провел. Каждый день просыпаешься в страхе, засыпаешь в страхе. На стрельбу идешь, как на работу, привыкаешь и к выстрелам, и к взрывам. Там и до сих пор стреляют. Знаешь, туда ведь совсем пацанов отправляют, которые даже оружие в руках держать толком не умеют. Жалко их. Но старший говорит: «Иди! Или ты, или тебя». И ты идешь. А потом уже как машина становишься. Остановить это нужно. Сколько уже молодых не вернулось, сколько отправляют...

Я вспоминал свои благополучные 15 лет и молчал. Собеседник захмелел, вытянул перед собой руки, разглядывал ладони, будто не понимая, чьи они. После нескольких минут тишины выдохнул:

– Я же этими руками человека зарезал, нескольких застрелил. Семь лет кошмара. И зачем?

Усталость превратила хмель в быстродействующий яд – извилины в голове прощались друг с другом. Не помню, как мы добрались до его дома. Я заснул и видел тяжелые, тревожные сны.

Утром хозяин предложил мне задержаться еще на пару дней – его друг собирался отпраздновать свадьбу. Мне обещали и дикую гулянку, и полный стол, и самых красивых девушек округи, но я отказался. Шумные посиделки я никогда не любил, а сейчас, когда лишних сил и времени вовсе нет, тем более. К тому же мне начал надоедать статус трофея, который обязательно нужно показать друзьям. Парня я за это не судил – не он первый, не он последний. Но мириться с этим не собирался.

В Евлах я заезжал, как курица в панировке. Боялся, что в какой-то момент брошу велосипед и просто лягу на газон, только мысль о горячем душе заставляла меня жать на педали. До города я не доехал и поставил палатку в километре от дороги. Палатку я стараюсь ставить за час до заката солнца. Определить время заката несложно. Нужно вытянуть руку так, чтобы солнце как бы лежало на вашем указательном пальце. Теперь считаем количество пальцев до горизонта. Каждый палец будет равен приблизительно 15 минутам до заката.

С утра я заскочил в город и купил все необходимые продукты в дорогу.

В следующий город, Гянджу, я заехал поздно, наплевав на собственное правило не ночевать в городах без заранее подготовленного места. За время путешествий я безгранично полюбил людей, но понял: с наступлением темноты лучше держаться от них подальше. Никогда не стоит ночевать

в центре города, никогда!

Темнота напознала на город, как туман. Мне нужно было быстрее принимать решение – оставаться среди зданий или ехать назад к окраинам. Пару отелей, встретившихся по пути, оказались непомерно дорогими для меня.

В центре города заметил несколько таксистов, скучающих без работы. Поспрашивал у них, где можно переночевать. Предложили разбить палатку прямо на газоне, уверили, что посторожат, пока я буду спать. Радостный, я купил несколько булочек, сок, но, даже не дожевав свой скудный ужин, отключился.

Впервые я так хорошо спал в Азербайджане. Мышцы наконец расслабились, сны не беспокоили. Проснулся я под тихий шелест дождя полностью отдохнувшим.

Внезапные осадки прогнали моих ночных охранников – вокруг было пусто. Я быстро собрался, пока меня не начали гонять местные стражи порядка.

Фортуна мне улыбалась. Дорога из Гянджи была идеальной, велосипед сам нес меня в сторону границы с Грузией, а я просто наслаждался прохладой. По дороге проехал город Газах. В XVIII веке Газах был столицей Казахского султаната. В Российской империи Газах был административным центром Казахского уезда Елизаветпольской губернии. Удивительно!

И вот он легендарный Красный мост – Кызыл копре, разделяющий Азербайджан и Грузию.

Честно говоря, в Грузию я летел, словно опаздывал на уходящий поезд. Грузию я открыл для себя еще в 2013 году. До одной из самых гостеприимных, безопасных, красивых стран оставалось несколько километров, и я не хотел медлить. Мне хотелось заехать на границу с какой-нибудь песней или раскланяться, но я просто с безумной улыбкой кивал работникам границы.

До свидания, Азербайджан! Здравствуй, Грузия!

День 43 – Грузия

В этот день переночевал уже на грузинской стороне возле маленького магазинчика. Там продавали вино в красивых бутылках в виде человечка. Расспросил продавца, оказывается, это вино названо в честь Нико Пиросмани, художника. Того самого, который согласно легенде продал все свое имущество и купил миллион роз для любимой певицы.

...Засыпая, я думал, насколько может быть сильной любовь. Мне вспомнился теплый апрельский вечер 2007-го, когда девушка с потрясающими глазами заставила меня украсть для нее розу. Мы бежали три квартала, задыхаясь от азарта и осознания своей юной безнаказанности. Это воспоминание вызвало во мне приятный укол стыда и тоски. Как изменилась жизнь, как изменился я...

Меня ждал Тбилиси. Пора было отдохнуть, побыть среди людей и привести себя в порядок. Я нашел небольшой уютный хостел, в котором останавливался год назад. Администратор узнал меня. Посмеялся над моей пугающей нормальных людей бородой и тотчас отправил в душ.

Я вышел прогуляться. Было странно идти куда-то так долго без велосипеда, поэтому первые полчаса привыкал к размеренному шагу. Старый город здоровался со мной запахнутыми окнами, запахами кафе и старыми мостовыми. Как же я люблю Грузию!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.